

*А. Г. Вильчинская
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова*

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА В. В. МАЯКОВСКОГО В ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

В статье рассматривается отношение М. И. Цветаевой к образу поэта В. В. Маяковского, его роль в художественном мире поэзии и прозы М. И. Цветаевой, а также особенности метафорического выражения мировоззренческих констант М. И. Цветаевой. Исследуется отражение образа В. В. Маяковского в рамках проблем “поэт и человек”, “поэт и время”. Представлены варианты анализа метафор, эксплицирующих образ поэта.

Ключевые слова: образ, метафора, В. В. Маяковский, М. И. Цветаева.

Личность В. В. Маяковского находится в одном ряду с Б. Л. Пастернаком, А. А. Блоком, К. Д. Бальмонтом, О. Э. Мандельштамом – поэтами современниками М. И. Цветаевой, чьи персональные и творческие качества она ценила очень высоко. В одном из писем Б. Л. Пастернаку М. И. Цветаева спрашивала: *Ты думал о себе – эфиопе? арапе? О связи – через кровь – с Пушкиным – Ганнибалом – Петром. О преемственности. Об ответственности. М. б. после Пушкина – до тебя – и не было никого? Ведь Блок – Тютчев – и прочие – опять Пушкин (потому что речь!), ведь Некрасов – народ, т. е. та же Арина Родионовна... Думаю, что от Пушкина прямая расходится вилкой, двузубцем, один конец – ты, другой – Маяковский [9, с. 442].* Данная мысль повторяется в нескольких текстах и развивается далее, находя продолжение в образе преемственности. Указание, что первенство в русской литературе после А. С. Пушкина спустя век разделили между собой В. В. Маяковский и Б. Л. Пастернак, также континуально воплотилось в статье “Эпос и лирика современной России”.

Отношения М. И. Цветаевой с В. В. Маяковским сложились иначе, чем с Б. Л. Пастернаком, ее другом и единомышленником. Несмотря на несколько личных встреч взаимопонимания между поэтами не возникло. В 1928 г. в Париже М. И. Цветаева подарила В. В. Маяковскому книгу “После России” с дарственной надписью, но он, уезжая, подарок с собой не взял, сборник более 40 лет оставался во Франции. По предположению А. А. Саакянц, отношение В. В. Маяковского к М. И. Цветаевой было неприязненным, возможно, потому, что он причислял ее к парижским поэтам, о которых отзывался не самым лестным образом. Тем не менее, сама М. И. Цветаева В. В. Маяковского ценила как одаренного поэта, практически единственная в эмигрантских кругах отмечала силу его таланта, вне политического и социального контекста. Однако это не помешало французским издателям обвинить М. И. Цветаеву в просоветских симпатиях из-за ее обращения к

В. В. Маяковскому в 1928 г. и прекратить публикацию “Лебединого стана”. Статья “Эпос и лирика современной России”, одним из центральных образов в котором был образ В. В. Маяковского, впервые увидела свет спустя пять лет в журнале “Новый град” в Париже.

Экспликация образа поэта, подобно ряду других образов, происходит благодаря использованию М. И. Цветаевой метафор. Индивидуально-авторская метафора понимается нами как нестандартное перенесение значения слова из одного семантического поля в другое на основе имплицитной связи понятий. Л. П. Иванова подчеркивает: “Тропы, поскольку они связаны с ассоциациями в сознании и мышлении одного человека, тоже вступают в системные отношения и образуют тропеическую систему, проявляющуюся в художественном произведении” [4, с. 70]. Большинство метафор в наследии М. И. Цветаевой являются разветвленными, то есть осложняются рядом других выразительных средств, что будет продемонстрировано в ходе анализа.

Рассмотрим несколько примеров из произведений разных жанров.

В поэзии М. И. Цветаевой образ В. В. Маяковского часто соотносится с природными явлениями. В стихотворении “Маяковскому” (1921): “Здорово, булыжный гром!”; “В сапогах, в которых, понаморщась, / Гору нес – и брал – и клял – и пел...”, – в данной и многих других цитатах показана близость образа В. В. Маяковского и образа горы, объединенные коннотациями силы, нерушимости, высоты, весомости.

“...говоря о данном поэте, Маяковском, придется помнить не только о веке, нам непрестанно придется помнить на век вперед. Эта вакансия: первого в мире поэта масс — так скоро-то не заполнится. И оборачиваться на Маяковского нам, а может быть, и нашим внукам, придется не назад, а вперед”, – в данном примере метафоры *помнить на век вперед*, *оборачиваться на Маяковского вперед* относятся к преобладающей, по мнению О. К. Грековой, в творчестве М. И. Цветаевой модели изображения времени, где время представлено как метафизический процесс, субъектом которого является мир, проходящий через последовательность моментов. Указанная модель связана с динамическим аспектом мироощущения. Упомянутые темпоральные метафоры являются разветвленными (осложняются антитезой *назад – вперед*), выражены глагольными словосочетаниями, обозначающими действие и его признак – возвратным инфинитивом *оборачиваться* с наречием *вперед*. Сложный образ, заключенный в метафорах, обусловлен пониманием автором того, что В. В. Маяковский как поэт опередил свое время на несколько десятилетий. Это подчеркивают субъекты действия (*нам и нашим внукам*) и многократность действия, реализующаяся в глаголе несовершенного вида (не *обернуться*, а *оборачиваться*). Таким образом, *оборачиваться на*

Маяковского – читать его, *оборачиваться вперед* означает понять. Неоднозначное использование антитезы *назад – вперед* встречается в поэзии М. И. Цветаевой. Л. В. Зубова, анализируя “Стихи к сыну”, останавливает свое внимание на совмещении императивной и обстоятельственной функции наречия *вперед*: *Ни к городу и ни к селу – Езжай, мой сын, в свою страну, – В край – всем краям наоборот! – Куда назад идти – вперед Идти...* [3, с. 92].

Метафора *вакансия первого в мире поэта масс* объективирует значение поэта как труженика, а также указывает на приятие В. В. Маяковского народом (массы):

– *Где ж найду*

Такого, как я, быстроногого?

Этими своими быстрыми ногами Маяковский ушагал далеко за нашу современность и где-то за каким-то поворотом долго еще нас будет ждать.

В 1925 г. В. В. Маяковский написал стихотворение “Город”:

Мне скучно

здесь

одному

вперед, –

поэту

не надо многого, –

пусть

только

время

скорей родит

такого, как я,

быстроногого.

Три года спустя М. И. Цветаева подарила поэту сборник “После России” с дарственной надписью: “Такому как я – быстроногому! Марина Цветаева. Париж, октябрь, 1928 г.”. Следовательно, образ быстрых ног, будучи цитатой, осложняет пространственную метафору “*Маяковский ушагал далеко за нашу современность и где-то за каким-то поворотом долго еще нас будет ждать*”: образ современности представляется в качестве некоего пространства (путь, улица) либо материального объекта (дом), а не абстрактного понятия. Форма прошедшего времени окказионального глагола *ушагал* создана по аналогии со словом “*ушел*”. Разница в том, что в лексеме *ушагал* передан масштаб, широта движения, подчеркнутая фонетической составляющей лексемы (*ушагал*) и наречием *далеко*. В двух метафорах на указанном отрезке метафорического континуума заключен один и тот же образ, изображенный зеркально – вначале актуализируется один субъект

действия (читатель), затем второй (поэт): *оборачиваться на Маяковского нам придется вперед ↔ Маяковский долго еще нас будет ждать.*

Возьмем прозу Маяковского: тот же сокращенный мускул стиха, такая же проза его стихов, как Пастернакова проза – проза стихов Пастернака. Плоть от плоти и кость от кости. О Маяковском сказано – мною обо мне сказанное:

Я слово беру – на прицел!

А словом – предмет, а предметом – читателя. (Мы все Маяковским убиты – если не воскрешены!) [8, с. 793].

Ассоциация с сокращенным мускулом как репрезентация сжатости, лаконичности, собранности порождает антропоморфную метафору. Демонстрируя неразрывность прозаической и стихотворной форм творчества, автор обращается к прецедентному высказыванию, библеизму *плоть от плоти и кость от кости*. В Ветхом Завете (Бытие, гл. 2, ст. 23) рассказывается о том, как Бог вынул у спящего Адама ребро и создал из него первую женщину на земле, Еву: “И сказал человек: вот, это кость от костей моих, и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа”.

Автор также использует автоцитату из стихотворения “Есть в стане моем офицерская прямота” (1920), создавая из нее соединяющее звено в цепи образов. Итак, метафора осложняется приемом итерации, межтекстовым лексико-синтаксическим повтором. Упоминание библеизма, с одной стороны, а также имплицитный образ выстрела, следующий за образом поэта, целящегося в слово, как охотник в добычу, с другой, порождает теоморфную метафору “*Мы все Маяковским убиты – если не воскрешены!*”, выполняющую моделирующую функцию. Образу живого человека приписываются свойства божества, что, в отношении концепта “поэт” не редкость для М. И. Цветаевой. Если убить словом может всякий, то воскресить словом дано лишь избранным. В некотором смысле М. И. Цветаева предлагает альтернативу стертой метафоре “меткое слово” [7, с. 443], выводя на передний план образ говорящего, того, кто метко целится.

“*Маяковский – живой памятник. Гладиатор вживе*”, – метафора является воплощением итерации, так как лексический комплекс *живой памятник* повторится в очерке “Мой Пушкин”. Идентичные в структурном плане, метафоры отличаются ассоциативно. Если в “Моем Пушкине” актуализирован такой аспект значения слова “памятник” как “то, что поддерживает, заставляет хранить воспоминание о ком-чем-нибудь” [7, с. 658], то в отношении В. В. Маяковского “памятник” ассоциируется со скульптурным сооружением [там же] – мощным, высоким, незыблемым. Удаленность образа от того, что он должен означать, является неперенным

залогом его поэтического действия [2, с. 49]. Образ гладиатора предвосхищает появление в дальнейшем образа борца.

“Поэт Революции (le chantre de la Revolution) и революционный поэт – разница. Снилось только раз в Маяковском. Больше снилось, ибо еще и революционер – поэт. Посему он чудо наших дней, их гармонический максимум”, – метафора выражена генитивной конструкцией. О. И. Глазунова обращает внимание на то, что в генитивных метафорических конструкциях предмет характеризуется по одному или несколькими из свойственных ему предикативных признаков, которые отождествляются в сознании говорящего [1]. В данном случае предикативным признаком является оценка явления – *чудо наших дней*.

“Маяковский безличен, он стал вещью, живописуемой. Маяковский, как имя, собирательное. Маяковский, это кладбище Войны и Мира, это родины Октября, это Вандомский столп, задумавший жениться на площади Конкорд, это чугунный Понятовский, грозящий России, и некто (сам Маяковский) с живого пьедестала толп – ему грозящий, это на Версаль идущее “хлеба!”. Это последний Крым, это тот последний Врангель... Маяковского нет. Есть – эпос”, – данный пример является образцом метафтонимии – взаимодействия метафоры и метонимии (термин введен Л. Гуссенсом). Континуум продолжает весьма сложный комплекс пространственных, антропоморфных и агентивных метафор, основывающихся на названиях и именах героев произведений В. В. Маяковского (поэмы “Война и мир”, “Октябрь”, Понятовский – из стихотворения “Чугунные штаны”, генерал Врангель), невербальных прецедентных феноменах (Вандомский столб (Вандомская колонна) и площадь Конкорд – известные места Парижа как аллюзия к циклу “Париж”), прецедентной ситуации (поход на Версаль). Агентивные метафоры раскрывают анализируемый феномен как *действующий субъект (чугунный Понятовский, грозящий России)*. Антропоморфная метафора *на Версаль идущее “хлеба!”* является примером текстовой импликации, так как одновременно отсылает читателя к стихотворению В. В. Маяковского “Версаль” и к исторической ситуации, известной как “поход женщин за хлебом”.

Н. А. Переверзева отмечает, что деперсонификация несет, как правило, пейоративную окраску: “Если homo sapiens пусть даже средствами языка превращается в вещь, например, в набор неодушевленных конструкций, то о положительной оценочности не может быть и речи” [5, с. 16]. Часто прием овеществления используется для того, чтобы лишить образ души. В указанной ситуации М. И. Цветаева преследовала иную цель – отметить величину таланта поэта. Процесс декодирования в метафоре *“Маяковский стал вещью”* облегчает страдательное причастие *живописуемой*.

Обезличенность поэта (*Маяковского нет*) всего лишь способ перенести внимание с его персоны на плоды его творчества. Эпос, олицетворяющий творчество, воспринимается как более значительная характеристика, затмевая имя поэта. Прослеживается также континуальная связь двух метафор: *живой памятник – Маяковский с пьедестала толп грозящий*. Последний образ актуализирует значение массового восхищения поэзией В. В. Маяковского, неоднократно акцентируемого как в метафорическом континууме статьи “Эпос и лирика современной России”, так и в других текстах М. И. Цветаевой.

“*Маяковского нужно читать всем вместе, чуть ли не хором (ором, собором), во всяком случае, вслух и возможно громче, что с каждым читающим и происходит. Всем залом. Всем веком*”, – языковая игра создается разнокорневыми паронимами, сближающимися фонетически грамматической формой творительного падежа: *читать чуть ли не хором (ором, собором)*. Созвучие данных слов создает эффект эха, что дополняет мысль, выраженную метафорически, в то же время звучащих рифмованно, что закономерно вызывает образ поэзии. Автор соединяет образ читающих (собор – собрание лиц; хором – все вместе, все сразу, одновременно, подобно хору [7, с. 1157]) и характер чтения (ором – очень громко). Вновь через описание реципиентов дается характеристика автора и его творчества, призванного объединять людей. Метафора является разветвленной за счет осложнения метонимией (читать Маяковского), паронимазией (*хором, ором, собором*), парцеллированной конструкцией (*Всем залом. Всем веком*). Последняя в этом случае выполняет экспрессивно-грамматическую функцию, направленную на конкретизацию обстоятельств образа и способа действия.

“*Если Маяковский в лирическом пастернаковском контексте – эпос, то в эпическом действенном контексте эпохи он – лирика. Если он среди поэтов – герой, то среди героев – он поэт. Если творчество Маяковского эпос, то только потому, что он, эпическим героем задуманный, им не стал, в поэта всего героя взял. Приобрела поэзия, но пострадал герой*”, – выделенная метафора выражена эпанодосом, который является разновидностью хиазма, являясь повторением слов в предложении в обратном порядке [6, с. 345]. Антиэллипсис акцентирует позицию субъекта действия и выполняет функцию логического выделения. Используются два значения *эпоса* – “повествовательный род литературы” [7, с. 1227] (противопоставляется лирике), “героическое повествование о прошлом, составляющее героев-богатырей, бытующее в книжной и устной форме” (герой противопоставляется поэту). Двойственная природа В. В. Маяковского изображается сплетением объектно-субъектных отношений: антропоморфная метафора *приобрела поэзия, но пострадал герой*

создает пару контекстуальных антонимов (поэзия – герой). Конвергенция стилистических приемов помогают метафоре выполнить изобразительную, а также эмотивно-оценочную функцию.

“Когда я говорю глашатай масс, мне видится либо время, когда все такого росту, шагу, силы, как Маяковский, были, либо время, когда все такими будут. Пока же, во всяком случае в области чувствований, конечно, Гулливер среди лилипутов, совершенно таких же, только очень маленьких. Об этом же говорит и Пастернак в своем приветствии лежащему:

*Твой выстрел был подобен Этне
В предгорье трусов и трусих”.*

Метафора объективирует стремление видеть людей на том же уровне, на котором находится поэт. Аллюзия на прецедентный текст Дж. Свифта “Путешествия Гулливера” (Гулливер среди лилипутов) подчеркивает контраст. Метафора *рост, шаг, сила* обращает внимание на духовные качества, масштаб которых может измеряться, как качества физические. Благодаря изобразительной функции метафор, В. В. Маяковский выступает эталоном, к которому необходимо стремиться. В качестве подтверждения объективности данного мнения автор цитирует Б. Л. Пастернака, разделяющего в стихах эту же позицию.

“Двенадцать лет подряд человек Маяковский убивал в себе Маяковского-поэта, на тринадцатый поэт встал и человека убил. Если есть в этой жизни самоубийство, оно не там, где его видят, и длилось оно не спуск курка, а двенадцать лет жизни”. Данная мысль повторяется в ряде текстов (“Эпос и лирика современной России”, “Поэт и время”, “Поэты с историей и поэты без истории”), будучи метафорической экспликацией темы “поэт и человек”.

Таким образом, многие индивидуально-авторские метафоры М. И. Цветаевой создаются на базе субъективных ассоциаций, отличающихся от системы общепризнанных. Посредством метафорического континуума М. И. Цветаева изображает В. В. Маяковского одним из поэтических символов своей эпохи.

Л и т е р а т у р а :

1. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. — СПб. : Питер, 2000. — 190 с.
2. Выготский Л. С. Психология искусства / общ. ред. В. В. Иванова ; 3-е изд. — М. : Искусство, 1986. — 573 с.
3. Зубова Л. В. Язык поэзии Марины Цветаевой (Фонетика, словообразование, фразеология) / Л. В. Зубова. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. — 232 с.
4. Иванова Л. П. Отображение языковой картины мира автора в художественном

- тексте (на материале романа А. С. Пушкина “Евгений Онегин”) : уч. пособ. / Л. П. Иванова. – К. : Освита України, 2006. – 140 с.
5. *Переверзева Н. А.* Метафорическая и метонимическая деперсонификация в немецком языке : дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Переверзева. – Белгород, 2010. – 166 с.
 6. *Сковородников А. П.* Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А. П. Сковородников. – М. : Наука, 2005. – 480 с.
 7. *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-Принт, ООО Изд-во “Дом. XXI век”, 2008. – 1239 с.
 8. *Цветаева М. И.* Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе / М. И. Цветаева. – М. : Альфа-книга, 2008. – 1214 с.
 9. *Цветаева М.* Собрание сочинений : в 7 т. Т. 7. Письма / сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. – М. : Эллис Лак, 1995. – 848 с.

R e f e r e n c e s :

1. *Glazunova O. I.* Logika metaforicheskikh preobrazovaniy [The logic of metaphorical transformations] / O. I. Glazunova. – SPb. : Piter, 2000. – 190 s.
2. *Vygotskiy L. S.* Psihologiya iskusstva [Psychology of art] / obshch. red. V. V. Ivanova ; 3-e izd. – M. : Iskusstvo, 1986. – 573 s.
3. *Zubova L. V.* Yazyk poezii Mariny Tsvetaevoy (Fonetika, slovoobrazovanie, frazeologiya) [The language of the poetry of Marina Tsvetaeva (Phonetics, word formation, phraseology)] / L. V. Zubova. – SPb. : Izd-vo SPbGU, 1999. – 232 s.
4. *Ivanova L. P.* Otobrazheniye yazykovoy kartiny mira avtora v khudozhestvennom tekste (na material romana A. S. Pushkina “Yevgeniy Onegin”) [Show language picture of the world of the author in a literary text] : uch. пособ. / L. P. Ivanova. – K. : Osvita Ukrainy, 2006. – 140 s.
5. *Pereverzeva N. A.* Metaforicheskaya i metonimicheskaya depersonifikatsiya v nemeckom yazyke [Metaphorical and metonymical depersonification in the German language] : dis. ... kand. filol. nauk / N. A. Pereverzeva. – Belgorod, 2010. – 166 s.
6. *Skovorodnikov A. P.* Encyklopedicheskii slovar-spravochnik. Vyrazitelniye sredstva russkogo yazyka i rechevyje oshibki i nedochety [Encyclopedic dictionary-directory. Expressive means of the Russian language and speech errors and omissions] / A. P. Skovorodnikov. – M. : Nauka, 2005. – 480 s.
7. *Ushakov D. N.* Bolshoy tolkovyy slovar sovremennogo russkogo yazyka [Big explanatory dictionary of modern Russian language] / D. N. Ushakov. – M. : Alta-Print, ООО Изд-во “Дом. XXI век”, 2008. – 1239 s.
8. *Tsvetaeva M. I.* Polnoe sobraniye poezii, prozy, dramaturgii v odnom tome [The complete collection of poetry, prose and drama in one volume] / M. I. Tsvetaeva. – M. : Alpha-Kniga, 2008. – 1214 s.
9. *Tsvetaeva M. I.* Sobraniye sochineniy [Collected works] : v 7 t. T. 7. Pisma / sost., podgot. teksta i komment. L. Mnukhina. – M. : Ellis Lak, 1995. – 848 s.

Вільчинська А. Г. Метафорична репрезентація образу В. В. Маяковського у поезії та прозі М. І. Цветаєвої.

У статті розглянуто ставлення М. І. Цветаєвої до образу поета В. В. Маяковського, його роль у художньому світі поезії та прози М. І. Цветаєвої, а також особливості метафоричного вираження світоглядних констант М. І. Цветаєвої. Досліджується відображення образу В. В. Маяковського у рамках проблем "поет і людина", "поет і час". Представлені варіанти аналізу метафор, що експлікують образ поета.

Ключові слова: образ, метафора, В. В. Маяковський, М. І. Цветаєва.

Vilchynska A. G. Metaphorical representation of image of V. Mayakovskiy in the poetry and a prose of M. Tsvetaeva.

The paper focuses on the relationship of M. I. Tsvetaeva to the image of the poet V. V. Mayakovsky, his role in the artistic world of poetry and prose of M. I. Tsvetaeva, and also features of the metaphorical expression of the worldview constants of M. I. Tsvetaeva. In the texts of poems, several essays ("The Epic and the Lyrics of Modern Russia," "Poets with a History and Poets without a History," "The Poet and the Time") revealed the specifics of the unique futurist poet, despite the fact that the authors did not associate friendly relations. The reflection of the image of V. V. Mayakovsky in the context of problems "poet and human", "poet and time" is investigated. The stylistic methods of creation of metaphorical continuum are described. They are alogism, nonce words, hyperbole, paronomasia and many other. The author uses autocytates, biblicisms, precedent texts. Variants of the analysis of the metaphors explication the image of the poet are presented.

Keywords: image, metaphor, V. Mayakovskiy, M. Tsvetaeva.

О. М. Зайцева

Київський національний лінгвістичний університет

МОРФОНОЛОГІЧНІ ЯВИЩА В СИСТЕМІ СЛОВОТВОРЕННЯ УКРАЇНСЬКОГО ІМЕННИКА (НА МАТЕРІАЛІ МОВЛЕННЯ СУЧАСНОГО ТЕЛЕБАЧЕННЯ)

У статті розглянуто деякі види морфонологічних змін, які відбуваються при творенні іменників, зафіксованих у мовленні українського телебачення. Особливу увагу приділено відаббревіатурним варіантним утворенням у телемовленні. Доведено, що найпоширенішими модифікаціями, які відбуваються на стикові морфем, у першу чергу на межі кореня й суфікса, є інтерфіксація та альтернація приголосних, а також їх поєднання. У статті наведено перелік чинників, що зумовлюють виникнення варіантних морфонологічних змін у мові ЗМІ та динаміку мовної норми.

Ключові слова: морфонологія, морфонологічний рівень мови, морфонема, аломорф, інтерфіксація, альтернація, мовна норма.

Нині українські реалії (бурхливі суспільні зміни, орієнтир соціуму на євроінтеграцію, відродження національної ідентифікації) призводять до того, що мовці починають свідоміше ставитися до української мови як індикатора нації й невід'ємного її атрибуту. Як наслідок – збільшується кількість носіїв української мови, і не просто збільшується – українці вдаються до пошуку